

ПРИГОРШНЯ
ПРАХА

1. DU CÔTÉ DE CHEZ BEAVER¹

— А жертвы были?

— Слава богу, нет, — сказала миссис Бивер, — вот только две горничные сдуру выбросились через стеклянную крышу во внутренний двор. Им ничего не угрожало. До спален пожар так и не добрался, вот жалость-то. Но без ремонта им не обойтись: все в копоти и насквозь промокло — у них, к счастью, оказался старомодный огнетушитель, а он портит буквально все. Так что грех жаловаться. Главные комнаты выгорели *дотла*, и все было застраховано. Сильвия Ньюпорт их знает. Надо добраться до них с утра пораньше, не то их перехватит эта стервоза миссис Шаттер.

Миссис Бивер, грея спину у камина, поглощала ежеутреннюю порцию простокваши. Она держала картонный стаканчик под самым подбородком и хлебала простоквашу ложкой.

— Господи, ну и гадость. Почему бы тебе, Джон, не приохотиться к ней? У тебя последнее время такой усталый вид. Я бы просто не продержалась без простокваши.

— Но, мамчик, я ведь не так занят, как ты.

— Что правда, то правда, сын мой.

Джон Бивер жил с матерью в доме на Суссекс-гарденз, куда они переехали после смерти отца. Обстановка дома не имела ничего общего с сурово элегантными интерьерями, которые миссис Бивер сооружала для своих клиентов. Сюда ставили мебель из двух бóльших по размеру домов, которую

¹ «По направлению к Биверу» (*фр.*) — перифраз названия романа М. Пруста «По направлению к Свану». (*Здесь и далее примеч. перев.*)

не удалось сбыть; мебель эта не претендовала на принадлежность ни к одному определенному стилю и менее всего — к нынешнему. Предметы получше, а также те, что были дороги миссис Бивер как память, стояли в Г-образной гостиной наверху.

Биверу была отведена темноватая тесная гостиная (на первом этаже, за столовой) и отдельный телефон. Пожилая горничная приглядывала за его гардеробом. Она же вытирала пыль, начищала, аккуратно и симметрично расставляла на письменном столе и комоде коллекцию мрачных и громоздких предметов, помещавшихся прежде в туалетной комнате его отца: не знающие сносу подарки к свадьбе и совершеннолетию, одетые в слоновую кость и бронзу, обтянутые свиной кожей, украшенные гербами и оправленные в золото доспехи дорогостоящей мужественности эдвардианских времен — фляги для бегов и фляги для охоты, портсигары, банки для табака, высокие сапоги, замысловатые пенковые трубки, крючки для пуговиц и щетки для шляп.

В доме было четверо слуг, все женщины, и все, за исключением одной, пожилые.

Бивер, когда его спрашивали, почему он живет с матерью, а не поселится отдельно, иногда отвечал, что матери так лучше (несмотря на занятость, ей было бы тоскливо одной), а иногда, что экономит на этом по меньшей мере фунтов пять в неделю.

Так как его недельный доход равнялся шести фунтам, экономия, что и говорить, существенная.

Ему шел двадцать шестой год. По окончании Оксфорда он, пока не начался кризис, работал в рекламном агентстве. С тех пор никому так и не удалось подыскать ему место. И так, он вставал поздно и чуть не весь день просиживал у телефона в ожидании звонка.

Если дела позволяли, миссис Бивер попозже отлучалась на час из лавки. Она пунктуальнейшим образом являлась туда к девяти и уже к половине двенадцатого нуждалась в отдыхе. Так что, если не ожидался важный покупатель, она са-

дилась в свой двухместный автомобиль и ехала в Суссекс-гарденз. Бивер обычно успевал одеться, и ей со временем стал просто необходим их утренний обмен сплетнями.

— Как провел вечер?

— В восемь позвонила Одри, пригласила на обед. Десять человек в «Эмбасси», тощица. Потом отправились всей компанией к даме по фамилии де Тромме.

— Знаю ее. Американка. С прошлого апреля никак не заплатит за набивные чехлы на стулья. У меня тоже выдался неудачный вечер: ни одной хорошей карты, — и в результате проиграла четыре фунта десять.

— Бедный мамчик.

— Я обедаю у Виолы Казм. А ты? Я не заказала дома обеда, ты уж извини.

— Пока нигде. Правда, всегда можно пойти к Брэтту.

— Это слишком дорого. Я думаю, если попросить Чэмберс, она тебе что-нибудь принесет. Я была уверена, что ты обедаешь в гостях.

— Что ж, может, так оно и выйдет. Еще нет и двенадцати.

(Бивер чаще всего получал приглашения в последнюю минуту, а то и позже, когда приступал в одиночестве к трапезе с подноса... «Джон, лапочка, тут вышла неувязка — Соня явилась без Реджи. Будь добр, выручи, пожалуйста. Только поторопись, мы уже садимся за стол». Тогда он опрометью кидался за такси и появлялся, рассыпаясь в извинениях, после первой перемены блюд... Одна из его немногих за последнее время ссор с матерью произошла, когда, получив такое приглашение, он удалился со званого обеда, бросив ее с гостями.)

— Куда поедешь на воскресенье?

— В Хеттон.

— А кто там живет? Я что-то не помню.

— Тони Ласт.

— Ах да, как же, как же. Она красотка, он зануда. Я и не знала, что ты с ними знаком.

— Ну, какое там знакомство. Тони пригласил меня вчера вечером у Брэтта. Он мог и забыть.

— А ты пошли телеграмму — напомни. Это лучше, чем звонить. Так труднее отвертеться. Пошли телеграмму завтра, прямо перед отъездом. Они мне задолжали за стол.

— Что тебе о них известно?

— С ней я часто встречалась, пока она не вышла замуж. Она в девичестве — Бренда Рекс, дочь лорда Сент-Клауда, белокурая, этакая ундица на вид. По ней тогда многие с ума сошли. Одно время считалось, что она выйдет за Джока Грант-Мензиса. Тони Ласт ее не стоит, он сухарь. Ей пора бы и заскучать, так я полагаю. Они женаты лет пять-шесть. Состояние у них немалое, но все уходит на дом. Я его никогда не видела, но у меня такое впечатление, что он большой и неслыханно уродливый. У них по крайней мере один ребенок, а может, и больше.

— Мамчик, ты чудо. Ты все про всех знаешь.

— Это большое подспорье. Просто надо слушать, что говорят вокруг, только и всего.

Миссис Бивер выкурила сигарету и отбыла в лавку. Какая-то американка купила два стеганых лоскутных одеяла, по тридцать гиней каждое. Леди Метроленд справилась относительно потолка в ванной, незнакомый молодой человек заплатил наличными за подушку; в перерыве между этими делами миссис Бивер успела спуститься в подвал, где две павшие духом девицы упаковывали абажуры. В подвале стоял холод, стены его отсырели, несмотря на то что он обогревался печуркой. Девицы управляют хоть куда, с удовлетворением отметила миссис Бивер, особенно та, что покоренастей, она ворочает ящики — мужчине впору.

— Так держать, Джойс, — сказала она, — у тебя неплохо получается. Я тебя скоро переведу на работу поинтереснее.

— Спасибо, миссис Бивер.

Будут торчать в упаковочной, покуда не взбунтуются, решила миссис Бивер. С такой внешностью делать наверху нечего. Обе девицы выложили немалые деньги за право обучаться у миссис Бивер.

А Бивер все торчал у телефона. Раздался звонок.

— Мистер Бивер? — услышал он. — Подождите, пожалуйста, у телефона, сэр. С вами хочет говорить леди Типпинг.

Наступившую паузу Бивер провел в приятном ожидании. Леди Типпинг давала сегодня обед, это он знал; вчера вечером они долго разговаривали, он был в ударе. Значит, в последнюю минуту кто-то подвел...

— Мистер Бивер, мне так неприятно вас беспокоить. Вы не могли бы сказать, как зовут молодого человека, вы его представили мне вчера вечером у мадам де Тромме? Того, с рыжеватыми усиками. Он, кажется, член парламента.

— Вы, очевидно, имеете в виду Джокса Грант-Мензиса.

— Да-да, вы угадали. Вы, случайно, не знаете, где его можно найти?

— Его адрес есть в справочнике. Но вряд ли он сейчас дома. Его можно застать у Брэтта около часа. Он почти всегда там.

— Джок Грант-Мензис, Брэтт-клуб. Большое вам спасибо. Вы очень любезны. Надеюсь, вы как-нибудь заглянете ко мне. Всего, всего вам хорошего.

Телефон замолчал.

В час Бивер отчаялся. Надел пальто, перчатки, котелок, взял аккуратно свернутый зонтик и отбыл в клуб, подъехав за пенни на автобусе до угла Бонд-стрит.

Впечатление старины, которое Брэтт-клуб производил благодаря изысканному георгианскому фасаду и прекрасной панельной обшивке комнат, было чистейшей воды подделкой, ибо клуб этот — вполне недавнего происхождения — возник вследствие эпидемии общительности, разразившейся сразу после войны. Предполагалось, что это будет клуб для молодых людей, где они могли бы греться, раскорячившись, у камина и колобродить в ломберной, не рискуя навлечь недовольство старших членов. Теперь основатели сами подошли к среднему возрасту, со времени демобилизации лица их побагровели, они обрюзгли, полысели, но жизнерадостности не утеряли

и теперь приводили в трепет своих преемников, порицая их за отсутствие насущных для мужчины и джентльмена качеств.

Бар загораживали шесть широких спин. Бивер расположился в соседней комнате на кресле и стал перелистывать «Нью-Йоркер» в ожидании — не подвернется ли кто из знакомых.

Наверх поднялся Джок Грант-Мензис. Мужчины у стойки приветствовали его: «Джок, старик, что будешь пить?» — или попросту: «Так как, старик?» По молодости лет он не мог участвовать в войне, но мужчины у стойки его признавали; они относились к нему куда лучше, чем к Биверу, которого, по их мнению, и вовсе не следовало принимать в клуб. Однако Джок остановился поболтать с Бивером.

— Привет, старик, — сказал он. — Что пьешь?

— Пока ничего. — Бивер посмотрел на часы. — Но, пожалуйста, пора пропустить рюмочку. Бренди с лимонадом.

Джок подозвал бармена и сказал:

— Что за старушенцию ты подсунул мне вчера вечером?

— Ее зовут миссис Типпинг.

— Так я и думал. Все понятно. Мне внизу передали, что дама с такой фамилией приглашает меня на обед.

— Пойдешь?

— Нет, званые обеды не по моей части. И потом я еще утром решил поесть устриц здесь.

Бармен принес заказ:

— Мистер Бивер, сэр, по книге за вами числится за последний месяц должок в десять шиллингов.

— Спасибо, Макдугал, не забудьте при случае напомнить, идет?

— Слушаюсь, сэр.

Бивер сказал:

— Я завтра еду в Хеттон.

— Вот как? Передай привет Тони и Бренде.

— Какие там порядки?

— У них тихо и вполне славно.

— Интеллектуальными играми не увлекаются?

— Нет-нет, ничего подобного. Бридж, триктрак и покер по маленькой с соседями.

— А как насчет комфорта?

— Не так уж плохо. Выпивки полно. Ваннх маловато. К завтраку вставать не обязательно.

— Я не знаком с Брендой.

— Бренда тебе понравится, она молодчина. Я часто думаю: какой счастливчик Тони. Денег ему хватает, он любит Хеттон, у него один сын, которого он обожает, преданная жена — и никаких забот.

— Можно только позавидовать. Не знаешь, кто еще к ним едет, а? Я вот думаю, кто бы меня туда подбросил.

— Да нет, не знаю. Туда можно добраться поездом.

— Да, но на машине приятнее.

— И дешевле.

— Да, надо думать, и дешевле... Что ж, пойду пообедаю. Не хочешь еще по одной?

Бивер уже встал.

— Пожалуй, не откажусь.

— Вот как, прекрасно. Макдугал! Еще по одной, пожалуйста.

Макдугал сказал:

— Записать за вами, сэр?

— Да, сделайте одолжение.

Позже Джок рассказывал в баре:

— А я выставил Бивера на рюмку коньяку.

— Вот уж, наверное, расстроился.

— Чуть не лопнул с досады. В чушках что-нибудь понимаете?

— Нет. А вам зачем?

— Да вот, округ мой засыпал запросами.

Бивер спустился вниз, но перед тем как пойти в столовую, велел швейцару позвонить домой и узнать, что нового.

— Несколько минут назад звонила леди Типпинг, спрашивала, не можете ли вы отобедать у нее сегодня.

— Позвоните, пожалуйста, леди Типпинг и передайте, что я почту за честь отобедать у нее, но, возможно, на несколько минут опоздаю.

Когда Бивер покинул Брэтт-клуб и быстрым шагом направился к Хилл-стрит, была уже половина второго.

2. АНГЛИЙСКАЯ ГОТИКА I

I

Между деревьями Хеттон и Комpton-Ласт раскинулся обширный парк Хеттонского аббатства. В прошлом одно из самых замечательных зданий графства, аббатство было полностью перестроено в 1864 году в готическом стиле и в настоящее время никакого интереса не представляет. Парк открыт для посетителей ежедневно до заката солнца, для осмотра дома требуется предварительно обратиться за разрешением в письменной форме. Имеются несколько хороших картин, мебель. Прекрасный вид с террасы.

Этот отрывок из местного путеводителя не слишком огорчал Тони Ласти. Ему доводилось слышать отзывы еще менее лестные. Его тетка Фрэнсис, озлобленная неукоснительной строгости воспитанием, заметила когда-то, что план дома не иначе как создан мистером Пексниффом¹ на основе чертежей сиротского приюта, творения одного из его учеников. Но каждый его глазированный кирпич и расписной изразец был дорог сердцу Тони. Управлять таким домом нелегко, это он знал, но разве есть большие дома, которыми легко управлять? Дом не вполне отвечал современным представлениям о комфорте; но Тони наметил множество маленьких усовершенствований — он собирался их осуществить, едва вы-

¹ Персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», бездарный архитектор.

платит налог на наследство. Однако сам вид и дух Хеттона — очертания зубчатых стен на фоне неба, главная часовая башня с курантами, которые каждые четверть часа не будили разве что самых крепких сонь; церковный мрак огромной залы с колоннами шлифованного гранита и обвитыми лозой капителями, поддерживавшими крестовые своды потолка, расписанного красными и золотыми ромбами, который днем не мог рассеять скудный свет, проникавший сквозь стрельчатые витражи в гербах, а вечером — огромная газовая люстра из меди и сварочного железа, где рожки заменили двадцатью электрическими лампочками; вихри горячего воздуха, вырывающиеся из допотопного нагревательного аппарата через чугунные решетки в форме трилистников и внезапно обжигают ноги; подвальный холод далеких коридоров, где в целях экономии кокса он приказал отключить отопление; трапезная с консольными балками кровли и хорами смолистой сосны; спальни с медными спинками кроватей, и в каждой фриз с готическим текстом, названные в честь Мэлори¹, Изольды, Элейны, Мордред, Мерлина, Говейна и Бедивера, Ланселота, Персиваля, Тристрама, Галахада; его туалетная — фея Моргана, Брендина — Гвиневера², где кровать стоит на возвышении, стены увешаны гобеленами, камин походит на гробницу тринадцатого столетия, а из эркерного окна в ясные дни видны шпили шести церквей, — Тони вырос среди этих вещей, и они служили для него постоянным источником восторга и восхищения, будили в нем нежные воспоминания и горделивые чувства собственника.

Готика вышла из моды, это Тони понимал. Двадцать лет назад сходили с ума по средневековым домишкам и оловянной утвари, теперь пришел черед урн и колоннад, но настанет час, возможно в дни Джона Эндрю, когда общественное мнение вернет Хеттон на подобающее ему место. Его уже называ-

¹ Томас Мэлори (ок. 1417–1471) — писатель и переводчик, автор «Смерти Артура», романа о рыцарях Круглого стола.

² Герой цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

ли «занятым», и весьма учтивый молодой человек попросил разрешения сфотографировать его для архитектурного обозрения.

Потолок в фее Моргане нуждался в ремонте. Чтобы придать ему видимость кессона, на штукатурку крест-накрест набили фасонные перекладыны. Они были расписаны сине-золотым орнаментом.

Клетки между ними заполняли тюдоровские розы, чередовавшиеся с геральдическими лилиями. Но один угол протек, и позолота там потемнела, а краска облупилась; в другом деревянные дранки покоробились и торчали из штукатурки. Десять минут, отделявших пробуждение от того момента, когда он протягивал руку к звонку, Тони пристально изучал эти изъяны, снова и снова обдумывая, как их устранить. И задавался вопросом, удастся ли ему найти мастеров, способных выполнить такую тонкую работу.

Фея Моргана стала его комнатой с тех пор, как он перешел из детской. Его поместили тут, потому что отсюда ему было удобно звать родителей (неразлучных в Гвиневере): он очень долго был подвержен ночным кошмарам. С тех пор как он поселился в этой комнате, он ничего не выбрасывал из нее и с каждым годом что-нибудь добавлял, так что тут образовался своего рода музей, где были представлены все периоды его развития — изображение дредноута, извергающего дым и пламя из всех пушек (цветное приложение к «Чамз»¹ в рамке), групповая фотография (с соучениками по частной школе), горка под названием «Хранилище», набитая плодами множества случайных увлечений: яйцами, окаменелостями, монетами; портрет родителей в кожаном складне, стоявший у его изголовья в школе; фотография Бренды восьмилетней давности, снятая в ту пору, когда он ухаживал за ней; Бренда с Джоном на руках после крещения; гравюра, изображавшая

¹ «Чамз» («Друзья-приятели») — детский иллюстрированный журнал, издававшийся с 1892 года.

Хеттон до того, как его снес прадед Тони; несколько полок с книгами: «Бевис»¹, «Домашний плотник», «Фокусы для всех», «Маладые гости»², «Что нужно знать о законах земле-владельцу и арендатору», «Прощай, оружие!».

По всей Англии люди просыпались подавленные и озабо-ченные. Тони десять минут блаженствовал, прикидывая, как обновить потолок. Затем потянулся к звонку:

- Ее милость звонила?
- Да, сэр, четверть часа назад.
- В таком случае я буду завтракать у нее в комнате.

Тони надел халат и шлепанцы и прошел в Гвиневеру.

Бренда лежала на возвышении.

Она потребовала себе современную кровать. В изголовье стоял поднос, на одеяле валялись конверты, письма и газеты. Голова ее опиралась на крошечную голубую подушечку, не-накрашенное лицо казалось почти бесцветным, перламутро-во-розовым, лишь чуть более насыщенного оттенка, чем шея и руки.

— Ну как? — сказал Тони.

— Целуй.

Он сел рядом с подносом, она наклонилась к нему (нерей-да, выныривающая из бездонной глубины прозрачных вод). Не подставила губы, а потерлась щекой о его щеку, как кошка. Та-кая у нее была манера.

— Что-нибудь интересное?

Он взял несколько писем.

— Ничего. Мама просит няню прислать мерку Джона. Она ему что-то вяжет к Рождеству. Мэр просит меня что-то там открыть в следующем месяце. Можно, я не буду, ну пожа-луйста?

¹ *Бевис* Темптонский — герой цикла стихотворных романов XIII века, в XVII веке переделанных в народную книгу.

² Книга, написанная девятилетней девочкой Дейзи Эшфорд, о приключе-ниях престарелого мистера Солтины и его молодой воспитанницы Этель Монтикью, изданная известным английским писателем Джеймсом М. Барри с сохранением всех особенностей и ошибок подлинника.

— Нет, по-видимому, придется согласиться: мы давно ничего для него не делали.

— Ладно, только речь напишешь сам. Я уже состарилась для той девической, которая у меня была на все случаи жизни. Еще Анджела спрашивает: может, мы приедем на Новый год?

— Тут ответить просто. Ни за что на свете.

— Я так и думала... хотя, похоже, у нее будет забавно.

— Если хочешь, поезжай. А я никак не смогу вырваться.

— Да ладно. Я знала, что ты откажешь, еще до того как вскрыла письмо.

— Не понимаю, что за радость тащиться в Йоркшир посреди зимы...

— Милый, не злись. Все ясно, мы не едем. Я молчу. Просто мне казалось, что было бы занятно для разнообразия посидеть на чужих хлебах.

Горничная Бренды принесла второй поднос. Тони велел поставить его на подоконник и стал вскрывать письма. Он выглянул в окно. В это утро были видны лишь четыре шпиля из шести.

— Кстати, в этот уик-энд я, наверное, *смогу* вырваться, — вдруг сказал он.

— Милый, это не слишком большая жертва?

— Пожалуй, нет.

Пока он завтракал, Бренда читала ему газеты.

— Реджи опять произнес речь... Вот потрясающая фотография Бейб и Джока... Женщина в Америке родила близнецов от двух разных мужей. Как по-твоему, возможно такое? Еще два парня отравились газом... девочку удавили на кладбище шнурком... пьеса, которую мы с тобой видели, та, о ферме, сходит со сцены...

Потом она ему читала роман с продолжением. Он закурил трубку.

— Я вижу, ты не слушаешь. Отвечай: почему Сильвия не хочет, чтобы Руперт получил это письмо?

— А? Что? Видишь ли, на самом деле она не доверяет Руперту.

— Так я и знала. Там нет никакого Руперта. Никогда больше не стану тебе читать.

— По правде говоря, я задумался.

— Вот как?

— Я думал, до чего же замечательно: сегодня суббота и к нам никто не приедет.

— Ты так думаешь?

— А ты?

— Знаешь, мне иногда кажется бессмысленным содержать такой огромный дом, если не звать время от времени гостей.

— Как так — бессмысленным? Не понимаю, о чем ты. Я содер­жу этот дом вовсе не для того, чтобы сюда приезжали разные олухи перемывать друг другу косточки. Мы всегда тут жили, и я надеюсь, после моей смерти Джону Эндрю удастся сохранить дом. В конце концов, у меня определенные обязательства и перед нашими служащими, и перед самим Хеттоном... Поместья составляют неотъемлемую часть английского образа жизни, и мы нанесли бы непоправимый урон... — Тут Тони осекся и посмотрел на кровать. Бренда зарылась лицом в подушку, и теперь из-под простынь выглядывала только ее макушка.

— О господи, — сказала она. — За что?

— Кажется, я опять ударился в пафос?

Она повернулась на бок, и теперь из-под одеяла видны были лишь один глаз и нос.

— Ох нет, милый, это даже не пафос. Это бог знает что такое.

— Извини.

Бренда села.

— Ну не сердись. Я не то хотела сказать. Я тоже рада, еще как рада, что никто не приедет.

(За семь лет супружеской жизни такие шуточные сценки нередко повторялись.)

Стояла мягкая английская погода; в лощинах — туман, на холмах — бледное солнце; чащи высохли — безлистные ветки не удержали недавнего дождя, зато подлесок, влажный и тем-

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИГОРШНЯ ПРАХА <i>Перевод Л. Беспаловой</i>	5
МЕРЗКАЯ ПЛОТЬ <i>Перевод М. Лорие</i>	241
УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ <i>Перевод В. Орла, С. Белова</i>	439

Во И.

В 61 Пригоршня праха ; Мерзкая плоть ; Упадок и разрушение : романы / Ивлин Во ; пер. с англ. С. Белова, Л. Беспаловой, М. Лорие, В. Орла. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 640 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22330-1

Ивлин Во (1903–1966) — выдающийся британский писатель, биограф и журналист, один из самых тонких стилистов, а также признанный мастер черного юмора и убийственно едкой сатиры; создатель гротескно-смешных фантазий, где причудливо преломляется жизненный уклад уходящей в прошлое Британской империи. В настоящее издание вошли три романа, которые, без сомнения, можно отнести к наиболее ярким и широко известным произведениям автора: «Пригоршня праха», «Мерзкая плоть» и «Упадок и разрушение». Их персонажи принадлежат к разным поколениям и разным классам. Герой романа «Пригоршня праха» Тони Ласт — землевладелец, наивный идеалист и романтик, поверженный в прах после измены жены и гибели сына. Персонажи романа «Мерзкая плоть» принадлежат к поколению двадцатых годов прошлого века; они проводят свои дни в неутомимой погоне за светскими удовольствиями, упражняя свои изобретательные умы в новых капризах и авантюрах. Главный герой романа «Упадок и разрушение» — учитель, поступающий на работу в привилегированную закрытую школу, после того как его с позором изгнали из Оксфорда за участие в буйной вечеринке. Этих героев, таких разных, объединяет некая общая фатальная судьба, неотвратимый рок, толкающий их к безрассудным, порой необъяснимым поступкам и решениям.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ИВЛИН ВО
ПРИГОРШНЯ ПРАХА
•
МЕРЗКАЯ ПЛОТЬ
•
УПАДОК И РАЗРУШЕНИЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Татьяна Бородулина, Дмитрий Капитонов,
Наталья Бобкова, Ольга Золотова, Юлия Теплова

Подписано в печать 13.12.2022. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-TLN-31294-01-R